

СЛУХИ: К ПРОБЛЕМЕ ДЕФИНИЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Д.С. Горбатов (Воронеж)

Аннотация. На основе анализа десяти традиционно выделяемых критериев слухов осуществлена разработка их дефиниции. Полученные результаты будут способствовать лучшему пониманию психологической природы данного коммуникативного феномена.

Ключевые слова: слухи; классификационные критерии; дефиниция слухов.

В психологии и социологии слухи изучаются почти столетие, однако говорить о том, что это понятие уже получило однозначное и исчерпывающее выражение, все еще не приходится. Так, Г. Оллпорт и Л. Постмэн описывают его как «актуальное суждение на веру, передаваемое от человека к человеку, обычно устно, без надежных стандартов представленных подтверждений» [5. С. 9]. Согласно Т. Кэплоу, это сообщения «с выраженными коннотациями значимости, распространяемые посредством одной лишь неформальной коммуникации от человека к человеку в пределах группы» [10. С. 299]. С точки зрения Т. Шибутани, речь идет не об информации как таковой, а о процессе ее обсуждения, «коммуникации, посредством которой люди, вместе оказавшиеся в неоднозначной ситуации, пытаются выстроить ее достоверную интерпретацию, объединяя свои интеллектуальные ресурсы» [24. С. 17]. Для Д.В. Ольшанского слухи – не более чем «недостоверная информация (и/или искажающая форма передачи любой информации), передающаяся исключительно в устной форме как бы «по секрету» [3. С. 94]. А в соответствии с формулировкой Н. Дифонзо и П. Бордиа, данное понятие обозначает «непроверенные и инструментально релевантные информационные утверждения, находящиеся в обращении, которые возникают в контекстах неопределенности, опасности или потенциальной угрозы и служат тому, чтобы помочь людям приобретать понимание и справиться с риском» [11. С. 19–20].

Столь заметная разноречивость мнений во многом объясняется чрезвычайной многоаспектностью психологической природы слухов, а также разнообразием их проявлений в конкретных социальных ситуациях. Проблема осложняется тем, что в состав определений в ряде случаев оказались включены некорректно сформулированные или попросту неверные умозаключения. Чтобы разобраться в этом, рассмотрим те классификационные критерии, которые традиционно применяются исследователями в отношении данного феномена.

Слухи как неподтвержденные сообщения. Использование этого критерия ограничено тем, что он распространяется не только на слухи. Как справедливо заметил Т. Шибутани, готовность действовать на основе непроверенных сведений проявляется в весьма широком диапазоне жизненных ситуаций [24]. Трудно ожидать иного в условиях повседневной необходимости принятия множества решений, постоянной информационной

перегрузки, нехватки времени на проверку данных, заметного ускорения темпа современной жизни. Тем не менее есть основания утверждать, что анализируемая формулировка окажется полезной при составлении дефиниции. Для этого достаточно отказаться от привычного противопоставления информации «неподтвержденной» и «подтвержденной» в пользу иной альтернативы – «не нуждающейся в подтверждении». Не случайно в целях научного анализа слухи, как правило, сравниваются со сплетнями и городскими легендами [1, 11, 22 и др.], при субъективном восприятии которых также учитывается аспект достоверности, но не с анекдотами или сказками, развлекательный потенциал которых не предполагает соотнесения услышанного с действительностью.

Отдельно отметим, что практическая опора на приведенную выше формулировку Г. Оллпорта и Л. Постмэна об отсутствии в слухах *надежных стандартов подтверждений* (secure standards of evidence) представляется весьма затруднительной. Это обусловлено тем, что распространители сомнительных сведений нередко пытаются выдать их за факты, самостоятельно восполняя наиболее заметные пробелы в содержании и аргументации [12, 15, 17]. В частности, имеющийся опыт изучения сообщений о техногенных катастрофах позволяет говорить об обилии ссылок на авторитетные источники, упоминаниях конкретных деталей событий, персонификации тех или иных «виновных», разнообразных свидетельствах пагубных изменений среды или собственной симптоматики. Разумеется, процессы подлинной верификации сообщений по своей природе отличаются от их вольной или невольной имитации со стороны задействованных лиц. Однако итоги тех и других внешне выглядят совершенно идентичными.

Переходя к следующему критерию, зададимся вопросом, какое подтверждение должно считаться полноценным? Если, к примеру, спрашивая дорогу и не желая «принимать на веру» указания первого встречного, мы обращаемся за помощью к другим прохожим, то чем такие действия принципиально отличаются от «проверки» слуха путем взаимодействия с несколькими его носителями? Давно известно, что повторное восприятие одного и того же сообщения от разных лиц усиливает впечатление достоверности, становясь своеобразным доказательством того, что «дыма без огня не бывает» [4]. Не всегда могут помочь и свидетельства непосредственных очевидцев пересказываемых событий. Так,

Б. Харт во время Первой мировой войны беседовал с одним из творцов известного фактоида – солдатом британской армии, который, стоя на посту, «лично наблюдал» перемещения мифических российских отрядов на берегах Альбиона [16]. Таким образом, очевидно, что подтверждение подтверждению рознь.

Слухи как официально не удостоверенные сведения. Многие исследователи готовы согласиться с тезисом Ж.-Н. Кэпферера о том, что этот термин отражает «распространение в обществе информации, которая публично еще не подтверждена официальными источниками или же опровергнута ими» [17. С. 13]. При этом обычно постулируется, что признание достоверности слухов со стороны представителей легитимной власти переводит их в иную категорию – категорию «фактов» [3, 19, 21]. Стало быть, рассуждая последовательно, дезавуирование такого подтверждения на другой ступени властной иерархии будет означать обратное превращение «фактов» в «слухи», но, разумеется, лишь на то время, которое понадобится еще более высокопоставленным лицам для принятия решения о категориальной принадлежности конкретного сообщения. Вряд ли динамика публичного реагирования на информацию в среде уполномоченных на это государственных служащих может помочь при составлении дефиниции.

Добавим, что значимость обсуждаемого критерия базируется на уверенности в большей достоверности материалов официальных сообщений, чем их «конкурентов», стихийно распространяющихся по каналам неформального общения. Однако, как подчеркивает А.П. Назаретян, многие события недавней истории не дают оснований для выражения столь категоричной позиции [2]. Борьба с дестабилизирующими слухами редко понимается как необходимость полного и правдивого информирования общества об актуальных проблемах. Очевидным следствием того, что подобные опровержения сами не всегда способны выдержать проверку на соответствие действительности, является падение доверия к их источникам. Поэтому априори квалифицировать любую информацию официального происхождения в качестве «установленных фактов» и на этом основании противопоставлять их слухам, к сожалению, не приходится.

Иррациональность слухов. Представители первой «волны» исследователей данной проблематики охотно подчеркивали иррациональную природу слухообразования, отмечая ее сходство с грезами, мечтами или даже псевдологическими фантазиями невротического свойства. Во многом это было обусловлено влиянием психодинамического подхода, в соответствии с которым слухи рассматривались как проявления «комплексов», совокупностей эмоционально заряженных образов из бессознательного, направляющих мысли индивида в заданное русло [16], а также защитных механизмов проекции, рационализации, смещения и др., способствующих уменьшению тревоги их распространителей

[5, 19]. Трудно спорить с тем, что передаваемые сообщения в той или иной мере воплощают вытесненные желания и страхи, содержат элементы приписывания другим собственных неприемлемых мыслей и чувств, отражают индивидуальные стремления к объяснению и оправданию актуальных переживаний. Однако во всем этом они не являются чем-то уникальным, кардинально отличающимся от продуктов *любого* коммуникативного взаимодействия, подвергнутого психодинамическому истолкованию. Невозможно выделить какие-либо обменные репликами шуточного, критического, описательного или иного характера, априори свободные от обозначенных тенденций.

В то же время акцентирование на подобных аспектах чревато искаженным пониманием сущности рассматриваемого феномена. Как заметил Д. Миллер, фабричные рабочие не действуют сколько-нибудь абсурдно и иррационально, когда обсуждают неподтвержденную информацию о предстоящем сокращении производства. Напротив, было бы крайне странным, если бы они полностью проигнорировали вероятность неблагоприятного развития событий и оказались не готовы к столь значимым переменам. С этой точки зрения слухи достаточно рациональны [20].

Заведомая недостоверность информации. Неизбежность возникновения тех или иных искажений материалов сообщений при их устной передаче по коммуникативной цепи была убедительно продемонстрирована в лабораторных экспериментах К. Киркпатрика [18], Г. Оллпорта и Л. Постмэна [5]. Однако выявление естественных ограничений человеческого восприятия и памяти, обуславливающих все увеличивающееся расхождение каждого нового пересказа с первоначальным текстом, еще не является доказательством ложности слухов как таковых. Дело в том, что предметом упомянутых исследований явились вовсе не слухи, а лишь словесные описания распечаток и слайдов, не связанные с характерными переживаниями личной причастности испытуемых к субъективно неясным событиям [24]. Свою роль сыграла и специфика конкретного лабораторного контекста, отличающаяся от реальных условий слухообразования избыточным объемом предназначенного для запоминания, однократностью предъявления стимульного материала, ориентацией на дословное воспроизведение вместо осмысления, наконец, невозможностью исправить накопившиеся ошибки путем сопоставления сведений из разных источников [9, 20, 21, 23].

Повседневный опыт подсказывает, что нередко слухи отличаются поразительным неправдоподобием. Однако не все они таковы. В научной литературе приводятся данные, позволяющие судить о том, что иной раз содержание передаваемых сообщений характеризуется вполне достаточной мерой соответствия ходу дальнейших событий [8, 10, 17 и др.]. Поэтому целесообразно согласиться с мнением тех, кто выражает сомнения в обоснованности

включения признака недостоверности информации в состав атрибутивных характеристик слухов.

Преимущественно устный характер передачи.

Ссылаясь на бурный рост интернет-коммуникаций, Р. Росноу вполне определенно высказался против использования такого критерия как устаревшего [22]. Результаты проведенного нами исследования распространения слухов о техногенных катастрофах свидетельствуют, что не менее трети респондентов получили предупреждения о «надвигающемся ртутном облаке» или «выбросе аммиака» (2009) посредством SMS-сообщений, от электронных СМИ, в социальных сетях и на молодежных форумах. Более того, часть из них могла наблюдать происшествие на экранах своих компьютеров и мобильных телефонов, попадая, таким образом, чуть ли не в разряд очевидцев. Резонно ожидать, что по мере дальнейшего технологического развития относительная доля передачи «из уст в уста» еще более уменьшится.

Распространение «от человека к человеку». Долгое время в психологии слухов доминировал «индивидуальный» подход, согласно которому данная разновидность коммуникации рассматривалась в отношении некоего однородного конгломерата переносчиков сообщений [6]. При этом не учитывалось, что вхождение таких лиц в состав пусть даже кратковременных и небольших коммуникативных объединений (клик и диад) наделяет их новыми характеристиками интегрального свойства. В противоположность этому Т. Шибутани [24] на основе идей интеракционизма утвердил понимание слухов как важного инструмента осмысления собеседниками общих проблем и принятия решений в субъективно неоднозначных ситуациях. Изучение ряда работ его современных последователей [7, 12, 20 и др.] позволяет говорить о постепенной смене теоретической парадигмы с индивидуального уровня анализа на микрогрупповой.

В ходе совместного обсуждения поступивших сведений члены временной микрогруппы не только получают доступ к знаниям, жизненному опыту, аналитическим способностям каждого, приобретают столь необходимую им социальную поддержку перед лицом возникшей угрозы, но и выступают в качестве совокупного субъекта слухообразования. В дальнейшем они передают преимущественно ту информацию, которая уже получила одобрение со стороны собеседников, а затем процесс вынесения «коллективного вердикта» в отношении актуальности и достоверности полученных сведений повторяется в пределах новых временных коммуникативных объединений.

Рассуждая о диалогической природе слухообразования в кликах и диадах, следует оговорить, что подобное взаимодействие, например в силу давления со стороны претендентов на информационную монополию в обществе, может ограничиться одними невербальными проявлениями, глухими намеками или какими-то односложными репликами неопределенного свойства, однако само его наличие представляется несомненным.

Слухи следует рассматривать не в качестве продуктов индивидуального «творчества», но как результаты серии микрогрупповых обсуждений проблем сообщества. Правильнее утверждать, что они передаются не от одного индивида другому, но посредством индивидов распространяются от одной микрогруппы к другой до тех пор, пока будут признаваться заслуживающими внимания всей доступной аудитории.

Передача по каналам неформального общения. Нередко слухи, например в целях борьбы с ними, находят отражение в сообщениях СМИ или упоминаются в различных материалах официального характера. Однако, как правило, в таких случаях четко обозначаются их изначальная чужеродность, принадлежность к иной сфере коммуникации. Нет сомнений в том, что в силу спонтанности возникновения, неконтролируемости существования, относительной независимости от признанных социальных институтов и высокой степени соответствия актуальным интересам их носителей слухи относятся к разряду тех сообщений, для которых характерно распространение по каналам неформального общения.

Такое обозначение специфики передачи сведений представляется нам несколько более точным, чем близкая по смыслу формулировка «каналы межличностного общения», в меньшей степени соотносимая с микрогрупповым контекстом феномена слухообразования. В силу того, что распространители слухов обычно имеют дело с уже согласованной и ратифицированной другими интерпретацией проблемы сообщества, они выступают в качестве субъектов не собственно межличностного, но некоего «межмикрогруппового» взаимодействия.

Существование на правах новости. Краткие описания, объяснения или предсказания событий, распространяющиеся в виде слухов, представляют собой сообщения, недавно полученные самими распространителями, содержат сведения, еще не известные (полностью или частично) их собеседникам, наконец, несут в себе информацию относительно значимых изменений социальной или природной среды. Так или иначе, это новости, некие «отклонения от устоявшейся рутины жизни» [24. С. 172].

Констатируя правомерность использования критерия, отметим, что, по мнению авторов ряда научных публикаций, подобные известия дополняют или заменяют собой новости официального характера, когда те несвоевременны, фрагментарны, противоречивы, субъективно недостоверны или нерелевантны имеющимся ожиданиям [5, 10, 19].

Субъективная значимость информации. Принято считать, что такие «импровизированные новости» [24] отличаются своей неподтвержденностью. Однако, как мы отмечали ранее, не менее явное различие лежит в другой плоскости [1]: сообщения, расходящиеся по официальным каналам, зачастую не имеют непосредственного отношения к текущим делам, проблемам и заботам аудитории, это скорее информация «о других»,

тогда как слухи – всегда «о себе», собственных тревогах и надеждах, о том, что имеет пусть даже небольшую, но неизменно персональную значимость для активных распространителей. Не случайно Г. Оллпорт и Л. Постмэн в формулировке «основного закона слуха» на первое место поставили «важность предмета [разговора] для вовлеченных индивидов» [5. С. 34], а Р. Росноу в более современной его редакции особое внимание уделил вовлеченности коммуникаторов в «значимые последствия обсуждаемых событий» [22. С. 215].

Те сведения, которые воспринимаются собеседниками как не имеющие самого явного и прямого отношения к их собственной жизни, не способны сколько-нибудь далеко пройти по каналам слуха. Однако утверждая это, следует учитывать, что переживания особой значимости появляются в широком диапазоне социальных ситуаций, в том числе и у тех, кто иной раз имеет весьма отдаленную связь с происходящим. Так, в случае победы футбольной команды они возникают не только у игроков и тренера, но и у фанатов данного клуба, телезрителей захватывающего матча или иных лиц, испытавших личную гордость за чужие спортивные успехи.

Применительно к слухам уместно вспомнить давнее замечание Р. Кнаппа [19] о том, что передаваемые сообщения удовлетворяют совершенно различные потребности сообщества, поэтому некоторые из них более «информативны», тогда как другие, напротив, «эмоциональны». Представляется вероятным, что среди последних велика доля тех, которые связаны не с восприятием действительной опасности для собственного благополучия, а с переживаниями угрозы сложившейся картине мира и своего места в нем. Поэтому, к примеру, слухи о неких тайных силах, способных на тотальный общественный контроль ради сокрытия «факта» гибели Пола Маккартни в автокатастрофе и замены его в составе «Биттлз» двойником, могли долгое время путешествовать в Европе и Америке [22]. Иначе говоря, субъективная значимость передаваемой информации бывает обусловлена не только чувством личной причастности к прогнозируемым последствиям, но и эмоциональной вовлеченностью в происшествие, на первый взгляд весьма далекие от актуальных проблем для персональной жизнедеятельности распространителей сообщений.

Ситуативная обусловленность возникновения.

Описывая специфику социального контекста, в котором возникают и распространяются слухи, Н. Дифонзо и П. Бордиа в одной из недавних публикаций особое внимание уделили двум характеристикам подобных ситуаций: переживанию смысловой неоднозначности, запутанности и неясности событий, а также наличию в них угрозы для физического, материального или психологического благополучия [11]. Надо сказать, что такой взгляд на природу слухообразования, основанный на постулатах классических работ Г. Оллпорта и Л. Постмэна [5], Л. Фестингера и соавт. [13], Р. Кнаппа [19] и Т. Шибутани [24], разделяется современными исследователями

данной проблематики. Обоснованно считается, что слухи, появляясь в проблемных ситуациях, позволяют осмыслить вероятные последствия, приобрести чувство контроля за положением дел, проявить заботу о других, выразить тревогу, пережить солидарность с членами сообщества и совместно подготовиться к прогнозируемым переменам значимых условий существования.

Однако обсуждая тезис о ситуативной детерминации слухов, следует осветить другую «сторону медали»: способны ли поступающие сообщения сами по себе создать впечатления субъективной неопределенности и надвигающейся опасности там, где до сих пор их не было вовсе? Иначе говоря, могут ли они возникать «на пустом месте», без особых причин? Давая отрицательный ответ на этот вопрос, мы склонны исходить из того, что слухи не всегда отражают проблемы сообщества непосредственным и явным образом, но подчас описывают их косвенно, в символическом виде, выполняя функцию, традиционно закрепленную за городскими (или современными) легендами [1, 11, 12]. К примеру, сообщения о прекращении поставок крупнозернистой соли в качестве «ответной меры» со стороны властей Украины, распространившиеся во многих регионах нашей страны в разгар «газовой войны» 2006 г., явно не относились к категории художественных повествований об опасностях, тревогах и искушениях нашего времени. Однако действуя на манер городских легенд, они в предельно конкретной форме смогли выразить общую атмосферу социального напряжения, сложившуюся под влиянием развернутой информационной кампании.

Подводя итоги предпринятому анализу, следует согласиться с Д. Миллером [20] в том, что дальнейшая опора на неспецифичные для слухов или попросту ошибочные классификационные критерии чревата выстраиванием научной химеры там, где необходима взвешенность суждений. С учетом сказанного ранее дефиниция слухов принимает следующий вид: *это неподтвержденные сообщения, в ситуациях проблемного характера распространяющиеся по неформальным каналам общения на правах новостей о значимых изменениях социальной или природной среды.*

Таким образом, лишь пять критериев из представленных выше нашли свое применение при определении сущности данного феномена. Повторим, что мы имеем дело со сведениями, которые: а) нуждаются в подтверждении; б) возникают в ситуациях, квалифицируемых как проблемные; в) распространяются по неформальным коммуникативным каналам; г) воспринимаются собеседниками в качестве новостей; д) характеризуются несомненной значимостью для них. В то же время нет оснований утверждать, что слухи являются заведомо ложными, иррациональными по своей природе, непременно устными, а их рассмотрение и далее следует ограничивать рамками противопоставления официальным известиям и осуществлять, игнорируя микрогрупповой контекст взаимодействия распространителей.

Литература

1. Горбатов Д.С. Слухи, сплетни, городские легенды: психологическая природа различий // Вопросы психологии. 2009. № 4. С. 71–79.
2. Назаретян А.П. Агрессивная толпа, массовая паника, слухи: лекции по социальной и политической психологии. СПб.: Питер, 2003. 192 с.
3. Ольшанский Д.В. Политический PR. СПб.: Питер, 2003. 544 с.
4. Allport F.H., Lepkin M. Wartime Rumors of Waste and Special Privilege: Why Some People Believe Them // J. of Abnormal and Social Psychology. 1945. V. 40, № 1. P. 3–36.
5. Allport G.W., Postman L.J. The Psychology of Rumor. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1947. 247 p.
6. Bordia P., DiFonzo N. When Social Psychology Became Less Social: Prasad and the History of Rumor Research // Asian J. of Social Psychology. 2002. № 5. P. 49–61.
7. Bordia P., DiFonzo N. Problem Solving in Social Interactions on the Internet: Rumor as Social Cognition // Social Psychology Quarterly. 2004. Vol. 67, № 1. P. 33–49.
8. Bordia P., DiFonzo N. Psychological Motivations in Rumor Spread // Rumor Mills: The Social Impact of Rumor and Legend / Ed. G.A. Fine, C. Heath. Campion-Vincent: V. Aldine Press, 2004. P. 87–101.
9. Buckner H.T. A Theory of Rumor Transmission // Public Opinion Quarterly. 1965. Vol. 29, № 1. P. 54–70.
10. Caplow T. Rumors in War // Social Forces. 1947. Vol. 25, № 3. P. 298–302.
11. DiFonzo N., Bordia P. Rumor, Gossip and Urban Legends // Diogenes. 2007. Vol. 213. P. 19–35.
12. Donovan P. How Idle Is Idle Talk? One Hundred Years of Rumor Research // Diogenes. 2007. Vol. 213. P. 59–82.
13. Festinger L., Cartwright D., Barber K. et al. A Study of a Rumor: Its Origin and Spread // Human Relations. 1948. № 1. P. 464–486.
14. Fine G.A. Rumor, Trust and Civil Society: Collective Memory and Cultures of Judgment // Diogenes. 2007. Vol. 213. P. 5–18.
15. Fragale A.R., Heath C. Evolving Informational Credentials: The (Mis)Attribution of Believable Facts to Credible Sources // Personality and Social Psychology Bulletin. 2004. Vol. 30, № 2. P. 225–236.
16. Hart B. The Psychology of Rumour // Proceedings of the Royal Society of Medicine. 1916. Vol. 9. (Section Psychiatry). P. 1–26.
17. Kapferer J.N. Rumors: Uses, Interpretations and Images. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 1990. 284 p.
18. Kirkpatrick C. A Tentative Study in Experimental Social Psychology // The American J. of Sociology. 1932. Vol. 38, № 2. P. 194–206.
19. Knapp R.H. A Psychology of Rumor // The Public Opinion Quarterly. 1944. Vol. 8, № 1. P. 22–37.
20. Miller D.E. Rumor: An Examination of Some Stereotypes // Symbolic Interaction. 2006. Vol. 28, № 4. P. 505–519.
21. Peterson W.A., Gist N.P. Rumor and Public Opinion // The American J. of Sociology. 1951. Vol. 57, № 2. P. 159–167.
22. Rosnow R.L. Rumor and Gossip in Interpersonal Interaction and Beyond: A Social Exchange Perspective // Behaving Badly: Aversive Behaviors in Interpersonal Relationships. Washington: APA, 2001. P. 203–232.
23. Schachter S., Burdick H. A Field Experiment in Rumor Transmission and Distortion // J. of Abnormal and Social Psychology. 1955. Vol. 50. P. 363–371.
24. Shibutani T. Improvised News: A Sociological Study of Rumor. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1966. 262 p.

RUMORS: ABOUT THE PROBLEM OF DEFINITION IN SOCIAL PSYCHOLOGY

Gorbatov D.S. (Voronezh)

Summary. Based on the ten traditionally accentuated criteria of rumors, their definition is carried out. The obtained results will contribute to a better understanding of the psychological nature of this communicative phenomenon.

Key words: rumors; classification criteria; rumors definition.